

рально-демократического капитализма со времен краха коммунизма. В Китае мы видим перспективу прогресса, который будет одновременно незападным и нелиберальным. Но является ли авторитарный капитализм стабильной, прочной моделью? По-моему, это один из главных вопросов нашего времени — а мы все еще живем в эпоху «после 11 сентября» — но это также и «эпоха после 8 августа», а в экологической перспективе это «пять минут до полуночи».

Расщепление либеральных стилей — одновременно и политический соблазн и угроза, приведшая к тому, что на протяжении последних двадцати лет в американских и европейских публичных дебатах преобладало поистине экстравагантное употребление термина «либерализм», обозначающее помесь некоего мощного государственного управления с развратом. Вокруг либерализма идет жесткая полемика и политический дележ. Нарастающая концептуальная какофония ведет к расчленению его на составные части с более простыми значениями. Но наличие комбинаций и противовесов определяет суть либерализма, а целое гораздо больше, чем сумма его частей. Если даже один из необходимых компонентов, например, свободный рынок, доминирует, результатом этого может стать «нелиберализм» или «контр-либерализм».

Считаю, что минимальный список ингредиентов либерализма XXI века должен включать в себя свободу в рамках закона, ограниченное и подотчетное правительство, рынки, толерантность, некую версию индивидуализма и универсализма, а также определенное представление о равенстве людей, разумности и прогрессе. Пропорции ингредиентов могут быть разными в зависимости от вкусов и национальных привычек той или иной страны. Но вопрос о множественности либерализмов, возможной ассоциации либеральных стилей поставлен именно в 1989. В этом его историческое достижение и неизжитая политическая драма. ■

Записала Елена Пенская

«Я ПРЕДВИЖУ РАСКОЛ В ОППОЗИЦИИ...»

МАРИНА ЛИТВИНОВИЧ —
член Объединенного совета Объединенного
гражданского фронта

Я хорошо помню идеологию людей, которые работали в АП в эпоху Волошина. Они считали себя лучшими: превосходящими остальных людей по уму, глубине интуиции, уровню образования, степени понимания ситуации и поэтому давали сами себе полный *carte blanche*. Система «ручного управления» политикой отсюда и пошла, отсюда же — превращения АП в центр управления.

Потом мы стали свидетелями союза системных либералов с силовиками: сначала все было по правилам, и кавалер приглашал иногда интересную даму потанцевать, а потом начался бесконечный белый танец. Мне кажется, что у кавалера потом не было выбора.

Между тем, диалог либеральной оппозиции с лимоновцами имел совершенно другой характер: если тот же Чубайс искал союза с силой, то либеральная оппозиция с теми, кто испытывал на себе действие этой силы. Смешно, что Чубайс украл у тех же нацболов их лозунг «империя!», придумав пугало для интеллигенции — «либеральную империю». Нацболы уже тогда были жертвой, а либерал Чубайс оправдывал кровавую чеченскую кашу.

Впрочем, мне кажется, что отношение системных либералов к себе и своим оппонентам было отчасти обоснованным, ведь и в самом деле «человеческий материал» в либеральных кругах более качественный, чем у левых и патриотов. **Даже в оппозиционной Национальной Ассамблее тон вновь задают либералы.** Именно они чаще всего предлагают повестку дня.

Я хорошо знала первую команду Путина и была спокойна за его политическое будущее: ну и что, что он выходец из КГБ? В целом либеральная, команда будущего президента не даст ему свернуть с дороги! Начиналось все неплохо: в том же самом Александр-хаусе, где находился избирательный штаб Путина, размещался Центр стратегических разработок, и

там варилась хорошая интеллектуальная каша: прогрессивная и либеральная. Разрабатывалась административная реформа, судебная реформа, создавались проекты других преобразований.

Мы со своей стороны искали способы подать эти реформы населению — отсюда и пошла строиться жесткая информационная вертикаль «по внедрению». Потом реформы остановились, а выстроенный инструмент остался. Инструменту все равно, что им делают: пропаганду или продвижение реформ. В конце осталась одна пропаганда.

Сейчас либералы могут надеяться лишь на 7% электората. И ждать, что власть в ближайшем будущем будет валяться на земле, а мы легко сможем ее подхватить, достаточно наивно.

Впрочем, вопрос: «Что делать?» — остается открытым лично для меня и для моих соратников. Я предвижу в ближайшее время раскол внутри оппозиции по вопросу отношения к Медведеву. Кто-то сочтет возможным двигаться из несистемного поля в системное. **Я же не вижу сейчас ни одной «калитки», через которую я бы могла войти туда, оставаясь со своей совестью в нормальных отношениях.**

Проблема «калиток» в том, что даже если Медведев откроет одну-две, у ее дверей все равно останется стоять злой билетёр, который считает, что вопрос о заходе решает он. А за билетером стоит мент, за ним — фсбешник, за ним — чиновники. И все они стерегут калитку!

Ну, представьте, например, я завтра говорю своим соратникам — ребята, у нас есть **шанс по имени Медведев**, поэтому давайте сейчас создадим партию, поддержим медведевские инициативы, идем регистрироваться... Естественно, нас никто не регистрирует, и не допустит до выборов. А, кроме того, не очень понятно, как заходить в эту медведевскую «калитку» и смотреть в глаза тем нашим товарищам, которые в сейчас тюрьмах? А родителям тех, кто убиты? Иногда мне кажется, что «гражданский мир» между властью и оппозицией уже невозможен. ■